В отличие от прошлого раза, назначенная нам камера была намного больше, менее унылой и грязной. В ней была одна кровать, но в остальном она была похожа на любую другую камеру, которую только можно представить; полностью закрыто единственным зарешеченным крошечным окошком в самой высокой части стены. Нас отделяла тяжелая деревянная дверь. В воздухе витал запах мха и пыли.

Уже приближалась ночь, сумеречный свет едва освещал комнату.

Я вздохнула, неподвижно лежа на кровати с вытянутой ногой. Это было не так больно, как раньше, но только потому, что Лукас периодически лечил её в течение всего дня. Прямо сейчас он спал, измученный, рядом со мной. Я занималась тем, что рассматривала разные трещины на потолке.

Было ли это потому, что Лукас был сыном виконта? Не поэтому ли эта тюремная камера была лучше моей предыдущей? В каком-то смысле это имело смысл, хотя мне оставалось недоумевать, почему я заперта с ним. Очевидно, в этой восточной башне было более одной камеры. Было ли это потому, что слуги не хотели, чтобы Лукас оставался наедине со своими мыслями перед неизбежным?

У меня в голове возникало столько вопросов, но все они были тривиальными, так как я отказывалась даже задумываться о самом важном. И вот почему Матиас так себя вел?

Может быть, потому что я больше не собиралась становиться жертвой, мой разум подсознательно хотел найти логическую причину его действий. Без страха неминуемой смерти было легче задаться вопросом, почему и как он ведет себя. Что происходило в его голове? Что он на самом деле хотел сделать? Несмотря на то, что я видела вчера вечером во дворе, я решительно отказывалась верить, что его страх перед отцом был намного больше, чем его любовь к брату.

Это был тот самый парень, который в значительной степени отказался от своей человечности, чтобы получить шанс защитить Лукаса от того, чтобы он стал жертвой. Который более года взвешивал плюсы и минусы и пришел к выводу, что спасение своего брата перечёркивало все остальное и всех остальных в этом мире.

Но, в конце концов, это было не мое дело пытаться понять его. В моей книге ему уже не было прощения. Более того, хотя это правда, что мне больше не угрожала непосредственная опасность, это не означало, что я была в полной безопасности. Виконт сохранил меня, несмотря на то, что больше не была ему нужна. Я не знала, что он собирался сделать со мной после того, как ритуал будет завершен, но, учитывая то, что я видела о нем до сих пор, ничего хорошего из этого не могло быть.

Я покачала головой, закрыла глаза и попыталась отдохнуть, но безуспешно. Я не могла этого сделать с тех пор, как мы были заперты. Лукас, правда, спал, но только потому, что исцеление меня отняло у него много энергии, и ему пришлось восстанавливать силы после этого. Поскольку магия исцеления не была его сильной стороной, ему потребовалось в десять раз больше энергии, чем потребовалось бы человеку со склонностью к этому типу магии, чтобы выполнить задание. И это было не сделано даже на полпути.

Слышался звук быстро открывающейся и закрывающейся двери, и когда я подняла голову, то увидел на полу поднос с двумя блюдами и хлебом. Запах был дразнящим, заставляя мой пустой желудок урчать. Я подтолкнула Лукаса.

«Эй, Лукас, просыпайся», - он проворчал что-то неразборчивое и повернулся в другую сторону,

но я продолжала трясти его. «Еда, Лукас! Разве ты не голоден?»

Наконец, он открыл глаза и сонно посмотрел на меня. Ему потребовалось еще несколько минут, чтобы прийти в себя, прежде чем он неуверенно встал и пошел за подносом. Он положил его на кровать, которая была настолько твердой, что могла служить столом, и с его помощью я села.

По сравнению с тем, что мне дали в первый день, это определенно была пища богов. Я любила супы, всевозможные супы, поэтому принятие нескольких ложек теплого бульона заставило меня на мгновение улыбнуться от радости.

Я остановилась, когда увидел, как безжизненно ел Лукас.

«Тебе нужно съесть все, Лукас. Иначе у тебя не останется энергии, чтобы сбежать», - сказала я ему, передавая ему свою долю хлеба. Он ничего не сказал, хотя и принял хлеб, и так мы молча ели.

Когда мы закончили, он снова поставил поднос на место и вернулся ко мне. Больше ничего не говоря, он потянулся к моей ноге. Из его рук исходил синий свет. Не раздумывая, я оттолкнула его.

«Не делай этого. Ты уже достаточно мне помог. Сохраните свою энергию для…»

«Элейн, будь реалистом».

Я вздрогнула не потому, что его слова были резкими или они ранили меня, а потому, что я не хотела видеть его таким. Я не знала, было ли это усталостью от исцеления меня и постоянного истощения его энергии, пока он не рухнул, или из-за того, что должно было случиться через несколько часов, но в любом случае мне было больно видеть его таким.

«В то время было нереально пытаться мне помочь», - сказала я через некоторое время, по-прежнему держа его руки подальше от меня; «Но, тем не менее, ты мне помог, я…» Я прикусила нижнюю губу. Честно говоря, из всех людей, которых я встречала с тех пор, как я восстановила свои воспоминания из прошлой жизни, Лукас был единственным, кто пытался помочь мне от начала до конца. В первый же день он вытащил меня из этой ужасной камеры, а затем стал искать способ, как мне сбежать с Аделой, хотя потом он будет единственным, кто заплатит. Даже сейчас он изо всех сил лечил мою сломанную ногу. Я вздохнула. «Я не из тех, кто бросает тех, кто мне помог. Я тоже хочу кое-что сделать для тебя».

Лукас не ответил, но, по крайней мере, он перестал пытаться вылечить мою ногу. Он вздохнул, позволив себе упасть на кровать, и закрыл глаза. Я уставилась на него, задаваясь вопросом, как я могу ему помочь, но больше всего, как убедить его продолжать попытки. Я не могла позволить ему умереть только потому, что он был порядочным человеком, который хотел спасти меня от принесения в жертву. Но больше всего на свете я не хотела, чтобы он умер бесполезной смертью, когда я знал, что герои скоро появятся. Более эгоистичная часть меня, также хотела спасти его, потому что я не хотела, чтобы мои страдания и страдания моей семьи были напрасными. Все это было сделано для того, чтобы он мог жить, зачем вдруг сдаваться?

Вспомнив это, я сжала кулаки и взглянула вниз, закусив губы, чтобы попытаться сдержать эмоции. Неужели после всего, что сделал Матиас, он действительно так легко сдался?

«Элейн» Лукас назвал меня по имени. Когда я посмотрела на него, я увидел, что он смотрит на меня. «Элейн, ты ненавидишь моего брата?»

Эээ... что ответить? Я имею в виду, я думала, что это довольно очевидно, не так ли? Но когда я должна сказать это вслух младшему брату, мне почему-то стало невероятно неудобно ...

Лукас усмехнулся, увидев мою внутреннюю борьбу. Он изменил положение, чтобы лечь на спину, вытянув руки по обе стороны от себя. «Ничего страшного, если ты его ненавидишь. В конце концов, он сделал тебе много плохого. Даже если он сделал это, чтобы защитить меня, он все равно был жесток с тобой и теми, кого ты любишь».

Я ничего не сказала, глядя в сторону, боясь того, что может вылететь из моего рта. Я услышала вздох Лукаса.

«Прошу прощения за все, что с тобой случилось. За то, что случилось с твоей семьей и что здесь произошло. Вы никогда не должны были участвовать в этом, но мы втянули вас в это. Поэтому я приношу извинения от всего сердца».

"...Все нормально. По крайней мере, ты не сделал ничего плохого».

«О, но я знал», - поправил он. Его взгляд был устремлен в потолок, и хотя он выглядел немного оттуда, я могла сказать, что он был искренен. «Я мог не знать вначале, но позже я понял, что именно происходит и что мой отец заставлял Матиаса делать. Несмотря на это, я боялся. Я знал, что мой отец без колебаний использует меня в качестве жертвы, и я так боялся умереть. Матиас снова и снова говорил мне, что все будет хорошо. Что он найдет решение, и мне не придется умирать. И я ему поверил. Я закрыл глаза и притворился невежественным, пока с тобой все это происходило.

Но потом вы прибыли. Я тайно увидел тебя из угла, когда тебя привели к моему отцу в тот первый день, и я стал свидетелем того состояния, в котором ты находилась... Ты моложе меня, но ты собиралась заменить меня просто потому, что я слишком боялся умереть. Это было так несправедливо! Я ненавидел себя и свою трусость в тот момент и глупо думал, что если я улучшу ваши жилищные условия за то короткое время, которое у вас осталось, это уменьшит мое чувство вины. Но этого не произошло. На самом деле стало еще хуже. Затем, после того, как Матиас рассказал вам, что он сделал с вашей семьей, я, наконец, понял ... что то, что я не хотел умирать, не означало, что я должен был заставить кого-то другого занять мое место. В конце концов, вы тоже не хотели умирать, боролись с этим гораздо яростнее, чем я когда-либо. Если кто-то и заслуживал жизни, так это ты.

Он на мгновение остановился, собираясь с мыслями. Я ничего не сказала, ожидая, пока он закончит то, что хотел сказать, прежде чем озвучить свои мысли.

«Итак, понимаешь, ты можешь сейчас рассердиться на Матиаса за то, что он бросил меня, но, правда в том, что он делал все и больше из того, что мог, чтобы защитить меня, чтобы избежать неизбежного. С самого начала это должен был быть я. Эта ситуация сейчас, это всего лишь исправление того, что произошло давным-давно. Так что, если ты скажешь мне бежать, не надо. Я принимаю все, что происходит с этого момента. Однако...»он сел так быстро, что удивил меня, и прежде чем я успела его остановить, он схватил меня за ногу, позволив синему свету снова осветить ее. Я попыталась отодвинуться, чтобы остановить его, но он помешал мне, используя другую руку, чтобы удержать меня; "ты другая. Мы не знаем, что с вами будет после того, как ритуал будет проведен, поэтому тебя нужно как можно больше исцелить, чтобы вы могли убежать. Ты понимаешь, не так ли? Элейн».

Да, но это не значит, что я согласна с этим. «Как ты можешь так спокойно говорить? Почему ты не сердишься на брата? Ты должен ненавидеть его за то, что он бросил тебя в этот момент»,

- пожаловалась я ему. В ответ он пожал плечами.

"Нужно ли мне? Моя ситуация отличается от твоей, Элейн. Для тебя, Матиас, это незнакомец, который пришел в твою жизнь и разрушил ее. Но это не ко мне. В этом доме я был совершенно один. На меня никто не смотрел. Ни слуг, ни моих родителей. Единственный, кто когда-либо был рядом со мной, был Матиас. Вы знали? Сколько я себя помню, Матиас ни разу не нарушил приказ моего отца. Никогда. И все же иногда этого казалось недостаточно. Он исчезал на несколько дней бесследно, чтобы оказаться покрытым синяками и этим выражением лица… как будто он был мертв внутри. Он всегда пытался это скрыть, но никогда не мог обмануть меня. Он притворился сильным передо мной, но он проще, чем вы думаете. Уделяя немного внимания, вы можете угадать большинство его мыслей и чувств. Он всегда так делает, толкает себя до тех пор, пока он больше не может, потому что считает своим долгом, что, если он этого не сделает, никто другой не будет. Он делал это все время со мной, заботясь обо мне и следя за тем, чтобы мне не было грустно, когда родители оказывали мне хладнокровие».

«Итак, я понимаю, что ты ненавидишь его, Элейн, я бы и не мечтал просить тебя простить его. Но я не знаю, - он грустно улыбнулся, свет от его руки уменьшился, пока не погас. «Возможно, вы никогда его не простите. Но я сделаю это. Даже если весь мир никогда его не простит, я прощу его».

После этих последних слов камеру охватила тишина, настолько тяжелая, что было трудно дышать. Что я могла сказать? Мое сердце стало тяжелым, легкие сжались. Я проглотила узел, который, как почувствовала, формируется на моем горле, и открыла рот. «Лукас…»

"Каково это?" - спросил он, нарочно меня перебивая. Его вопрос, а также его глаза, смотрящие на мою ногу, заставили меня направить свой взгляд в то же место. "Еще болит? Вы можете её переместить? Я сделал все, что мог».

Я нахмурилась, прикоснувшись к ноге, которая больше не была красной и горячей. Я почувствовала небольшой дискомфорт, но это было ничто по сравнению с прошлой ночью. Я попробовала немного сдвинуть её, и, хотя она казалась немного тяжелой, я смогла.

«Я… я не знаю, что сказать», - я подняла глаза и посмотрела на него с максимальной искренностью, на которую я способна. «Большое спасибо, Лукас».

«Не говори об этом», - улыбнулся он, но это была усталая улыбка. Мне было жаль его.

«Эй, Лукас… тебе… не нужно…» Я закрыла рот как раз, когда слова уже собирались уйти. Я хотела сказать ему, чтобы он не сдавался. Продолжать пытаться жить, но, честно говоря, мне ли было его просить об этом? Поэтому я переосмыслила то, что хотел сказать, и когда нашла что-то разумное, попробовала еще раз. «Если я могу что-нибудь для вас сделать, неважно, насколько это мало, пожалуйста, скажите мне. Я сделаю все возможное, чтобы это сделать!»

Лукас моргнул, опешив от моих слов. «Элейн, в этом нет необходимости…»

"Я серьезно! Ты уже так мне помог … и мне кажется, что я ничего не могу сделать для тебя взамен. Кроме того, я человек, который не любит влезать в долги », - сказала я последнее, что немного ослабило мои слова. По правде говоря, я не могла придумать ничего, что я могла бы сделать для него за то небольшое количество времени, которое у нас оставалось, но что бы ни пришло ему в голову, я бы это сделала. Потому что слушать его и видеть его таким, таким безнадежным, но все еще стремящимся идти вперед, было невыносимо для моего сердца.

Лукас склонил голову, по-видимому, серьезно задумавшись. Через некоторое время он кивнул.

"Ладно. Могу я попросить что-нибудь взамен?»

«Да, просто спроси!»

«Тогда…» он поджал губы, и хотя было темно, я могла поклясться, что видела… красный? «Эм, понимаете. Немного неловко это говорить, но… теперь, когда я умру, я понял… ну… - он отошел, отводя глаза от меня. Я нахмурилась, внезапно почувствовав неприятное чувство.

"Что? Скажи это сейчас же, ладно!"

«…» Он сделал глоток воздуха, прежде чем, наконец, сказать. «Можно, если мы поцелуемся? Умереть, не поцеловав девушку, было бы так жалко!"

«…»

Некоторое время мы молчали, я смотрела на него, а Лукас смотрел на простыни, как будто это было самое интересное в мире.

В конце концов, я схватила подушку рядом со мной и начала бить его, пока не спал мой собственный румянец.

http://tl.rulate.ru/book/40404/1132329